

Предсмертное признание

Я хочу уйти в могилу вместе с тобой

В комнате Гу Цянь вкратце обрисовал Чэнь Сы ситуацию с Глупым псом. Тот едва не свалился со стула от хохота. Отсмеявшись, мастер сообщил, что его старик как раз вернулся, так что можно будет свозить Цзи Лююня к нему — пусть мастер посмотрит, что там творится с душой призрака и с теми артефактами из нефрита.

Выйдя в коридор, юноша увидел Златовласку: тот сидел на табуретке, обхватив колени руками, и заторможенно пялился в пространство. Время от времени на его лице проскальзывала блаженная улыбка.

Гу Цяню нестерпимо захотелось вскрыть черепушку этого идиота и посмотреть, в каком вымышленном мире он обитает. Если честно, теперь каждый раз, когда Глупый пёс начинал улыбаться, ему становилось не по себе.

Цзи Лююнь помалкивал о своих открытиях. Раньше ему было паршиво, потому что он боялся сорваться и причинить вред хозяину — в романах писали, что гон длится от недели до полумесяца и сопровождается потерей контроля. Он думал, что не сможет быть рядом с Гу Цянем всё это время.

Этого призрак вынести не мог.

И хотя после краткого курса «физического воспитания» от Гу Цяня ему знатно прилетело, сейчас блондин был абсолютно счастлив: всё, что пишут в книгах — враньё.

Он не потеряет контроль. Он не обидит Гу Цяня.

И главное — он всё ещё может быть рядом.

Разве может в мире случиться нечто более прекрасное?

Он с упоением смотрел в небо, медленно планируя меню на ближайшую неделю. Мысль о том, что у них впереди ещё бесчисленное множество завтрашних дней, заставляла уголки его губ невольно ползти вверх.

Златовласка забился в угол, погружённый в свои мечты. Тело его восстанавливалось на удивление быстро — уже и следа не осталось от недавней трёпки.

— Собирайся, днём выходим, — окликнул его Гу Цянь.

— Ладно! — Глупый пёс подпрыгнул на месте и радостно уточнил: — А куда мы пойдём?

Гу Цянь бросил через плечо:

— За лекарством.

Удар грома среди ясного неба.

Цзи Лююнь пошатнулся, инстинктивно вжался в стену и осторожно переспросил:

— Обязательно прямо сегодня?

— А когда? Ждать, пока ты снова впадёшь в безумие?

Блондин на мгновение поник, но тут же вскинул голову. В его взгляде читалась стальная решимость.

— Тогда утром я съезжу в компанию.

— С чего такая тяга к труду? — не понял Гу Цянь. — Чэн Ушэн тебя сглазил?

— Нет, — призрак выдал трагическую усмешку. — Нужно довести дела до конца.

Юноше было всё равно, тем более встреча была назначена на вторую половину дня.

Златовласка действовал по привычке: дождался, пока солнце прогреет двор, выставил шезлонг, уложил хозяина греться, а сам оседлал скутер и умчался в офис.

Войдя в здание, он вежливо отверг все предложенные сладости и направился напрямиком в кабинет президента.

— Чэн Ушэн, — произнёс он, чеканя каждое слово. — Мне нужно тебе кое-что сказать.

Вид у него был такой, будто он пришёл вызывать кузена на дуэль. Глава компании даже

растерялся, не понимая, какую сцену этот мертвец решил разыграть на сей раз.

— Ты... — начал Цзи Лююнь. — Хоть ты временами и ведёшь себя как последняя дрянь, вечно смотришь на всех свысока и говоришь гадости...

На лице Чэн Ушэна отразилось немое недоумение:

«?»»

— Но на самом деле ты вроде как хороший человек. Пусть и совсем чуть-чуть.

В глазах президента застыл невысказанный вопрос:

«??»»

— Я хотел сказать... В общем, надейся на лучшее и старайся больше улыбаться. Не ходи вечно с такой кислой миной, а то долго не проживёшь.

Тот лишь молча таращился на призрака:

«???»»

— И ещё, ешь поменьше вонючего тофу. Неважно, что тебе больше нравится — запах дерьма или его текстура, но если жрать его в таких количествах, добром это не кончится.

Чэн окончательно лишился дара речи:

«!!!!»»

В завершение Цзи Лююнь тяжело вздохнул, покачал головой и добавил:

— Я тебя прощаю.

Помощнику Чжану пришлось приложить нечеловеческие усилия, чтобы удержать босса. Чэн Ушэн напроць забыл об имидже президента.

— Ты меня прощаешь?! За что?! Ты смерти ищешь?!

Цзи Лююнь внезапно улыбнулся, и в глубине его глаз отразилась бесконечная печаль.

— Я не хочу умирать. Честное слово, совсем не хочу. Но такова судьба, ничего не поделаешь...

Даже когда он ушёл, Чэн продолжал в ярости колотить по столу.

— Этот блондин окончательно слетел с катушек! Он псих! Настоящий псих!

Помощник Чжан снова замялся.

— Говори!

— Босс, — вздохнул Чжан. — Он наверняка чувствует, что мы его выживаем, изолируем от коллектива. Ему, должно быть, очень тяжело постоянно находиться в такой атмосфере.

— Это я-то его выживаю?! — президент ткнул себя пальцем в грудь.

— В прошлый раз, когда он просто взял печенье с вашего стола, вы заставили его вернуться и положить на место. А ведь он явно нёс его молодому господину Гу.

— Я?! — глава корпорации всё ещё не мог прийти в себя.

— У призраков тоже тонкая душевная организация, — тихо добавил помощник.

Чэн Ушэн поджал губы и погрузился в раздумья. Чтобы хоть как-то загладить вину, он отправил сообщение: [Внизу есть кондитерская, сходи посмотри, что любишь ты и Гу Цянь].

На этот раз Глупый пёс ответил мгновенно: [Спасибо, ты и вправду хороший человек].

Собеседнику показалось, что здесь кроется какой-то подвох, но, не сумев разгадать загадку, он отложил телефон и вернулся к работе.

Через полчаса Цзи Лююнь уточнил: [Расходы возместите?]

Тот подтвердил, что компания всё оплатит, и в ответ получил цифру: [Восемьсот тысяч].

Тут уж даже красноречие помощника Чжана оказалось бессильно. Чэн не верил своим глазам.

[Ты что, магазин вместе с продавцом купил?!]

На самом деле Цзи Лююнь заказал для Гу Цяня самое роскошное массажное кресло —

доставку обещали уже вечером. В глубине души он позволил себе капельку жадности и выбрал двухместную модель. Хотя он был уверен, что ему больше не представится шанс посидеть в нём рядом с хозяином, он втайне оставил это свободное место для себя.

Вернувшись домой, Златовласка почти не разговаривал. Гу Цянь, сверившись с часами, велел ему собираться. Решив, что наносить визит мастеру с пустыми руками некрасиво, он зашёл в кабинет, выбрал хорошую кисть для каллиграфии и упаковал её в футляр. Когда он вышел, Цзи Лююнь уже стоял у стены, застыв подобно изваянию.

Призрак знал: он — всего лишь ингредиент для лекарства Гу Цяня. Каждый день, проведённый здесь, был для него подарком судьбы.

Но... он ведь только вчера заказал для Гу Цяня столько красивой одежды и ещё не успел её показать. Он выучил рецепт нового блюда и не успел его приготовить.

«Как же быстро летит время», — с тоской подумал Цзи Лююнь.

Да, хозяин предупреждал его: как только он разбогатеет, он убьёт призрака, чтобы изготовить снадобье.

Тот обречённо вздохнул:

— Наконец-то этот день настал.

Гу Цянь вздрогнул от его тона:

— Вот именно, наконец-то.

В следующую секунду Глупый пёс залился слезами. У юноши голова пошла кругом.

— Да что опять не так?!

— Я знаю... Теперь у тебя есть деньги, — Цзи Лююнь торжественно вытер слёзы. — Мне просто... жаль уходить.

— Хватит паясничать, иди пакуй вещи! — нахмурился Гу Цянь.

— Уже иду! — завыл Златовласка, стараясь сохранять внешнее спокойствие.

Его «наследство» было скудным: Гу Цянь в единственном экземпляре, а остальное — сущие мелочи. Кроме той куртки в раме на стене, он всегда носил с собой все сокровища, что дарил ему хозяин.

Он нацепил свой дурацкий белый рюкзак, зашёл на кухню, достал из холодильника грушевый отвар, подогрел его и перелил в термос, который тоже повесил на плечо. Вспомнив, что прогноз обещал дождь, он связал зонт и резиновые сапоги Гу Цяня вместе и пристроил их сбоку.

Затем он подумал: он ведь такой крупный, значит, и лекарства из него выйдет много. Юноше будет тяжело нести всё сразу. Поэтому он прихватил ещё несколько прочных сумок. В довершение ко всему он ухитрился прицепить к рюкзаку пару верхних вещей Гу Цяня.

В итоге по количеству навешанных на него предметов он стал напоминать рождественскую ёлку.

Гу Цянь ошарашенно наблюдал, как этот идиот мечется туда-сюда, готовясь к выходу с такой серьёзностью, будто они уезжали навсегда. Неужели обычная поездка на пару часов требует такой подготовки? Не в силах постичь логику слабоумного, он взял три палочки благовоний и направился к алтарю.

После замечания Линь Му и Шэнь Цзяньвэя Гу Цянь и сам решил, что носить фалангу пальца деда на себе не слишком правильно. Он установил в доме небольшой алтарь, чтобы почтить память старика.

Алтарь находился в боковой комнате справа от главного зала. На постаменте стоял футляр из красного сандала, внутри которого на полоске тонкого шёлка покоилась кость. В фарфоровой курильнице тлели благовония, дым лениво поднимался к каллиграфическому свитку со словами: «Вечная благодарность за милость». Две лампы по бокам поддерживали ровный свет памяти.

В комнате царил торжественная тишина, которую нарушал лишь всхлипывающий призрак, рухнувший на подушку для поклонов. Сквозь пелену слёз он посмотрел на футляр, и в его взгляде появилось нечто героическое.

— Дедушка, — прошептал он. — Я ухожу.

— Не смей называть его дедушкой. По возрасту это он должен звать тебя пращуром, — Гу Цянь раздражённо отвесил Златовласке подзатыльник. — Пошли.

— Ладно...

По дороге Глупый пёс вёл скутер, а Гу Цянь сидел сзади, слушая его причитания. Обычно Цзи Лююнь болтал без умолку, обсуждая каждую мелочь, что попадалась на глаза. Но сегодня его речи были какими-то странными.

— Ты запомни: на этой дороге много люков, осторожнее, трясёт.

— На этом перекрёстке будь внимателен, обзор плохой, справа машин не видно...

В конце концов Гу Цяню это надоело, и он ткнул его в спину, велел замолчать. Блондин сегодня был на редкость послушным: он замолк и не проронил ни слова до самых ворот дома семьи Чэнь. Его молчание было настолько непривычным, что Гу Цянь пару раз оборачивался проверить, всё ли в порядке. Тот ехал, опустив голову так, что золотистые волосы закрывали лицо.

Юноша шёл небыстро, но Цзи Лююнь не пытался, как обычно, притереться поближе. Он держался на почтительном расстоянии, время от времени бросая на хозяина взгляды, полные непроглядной тоски.

— Когда войдём, не вздумай тупить, иначе... — Гу Цянь постучал в дверь, но не успел договорить: на его спину навалилось тяжелое тело. Все вещи, развешанные на призраке, жалобно звякнули.

Цзи Лююнь обхватил его изо всех сил, уткнувшись лицом в изгиб шеи.

— Опять за старое?! — Гу Цянь мгновенно вспыхнул и инстинктивно активировал духовную силу.

Энергия вспыхнула, ударив призрака в грудь. На этот раз тот явно почувствовал боль — он тихо охнул собеседнику в самое ухо, но рук не разжал. За шиворот Гу Цяню потекли горячие слёзы.

Златовласка снова плакал. Но этот плач отличался от всех предыдущих. Раньше он рыдал в голос — неважно, от обиды или боли; любил хорохориться, но не мог сдерживать эмоций и через пару минут сам выбалтывал причину слёз.

Сейчас же это был тяжёлый, безмолвный поток. Его слёзы обжигали. Ни всхлипов, ни причитаний, ни жалобных просьб — казалось, он выплакивает всё, что осталось в его жизни.

— Я буду очень скучать, — проговорил Цзи Лююнь.

Он понимал: некоторые расставания предписаны судьбой, и даже будучи призраком, он не может избежать этой боли.

Гу Цянь, намертво зажатый в его объятиях, не мог даже шевельнуться.

— Да что с тобой не так?! Я тебя не понимаю!

— Тебе и не нужно меня понимать, — «поэт» Цзи сжал объятия ещё крепче. — Тебе не нужно знать, что я — цветок, распустившийся лишь для тебя. Тебе не нужно знать, что я буду любить тебя до самой смерти. Тебе не нужно знать, как я учился смиряться с бессилием и сколько мужества мне потребовалось, чтобы решиться тебя отпустить.

— Перестань... Прошу тебя, замолчи, — голос Гу Цяня слегка дрогнул.

Цзи Лююнь зарылся лицом ещё глубже. Он знал: Гу Цянь наверняка страдает, ведь у него такое мягкое сердце. Но он был готов пожертвовать собой ради хозяина.

— Не волнуйся, я не жалею, что встретил тебя. Даже если ты разберёшь меня на десять тысяч осколков, у тебя будет десять тысяч «меня», которые любят тебя больше всего на свете. Живи долго и счастливо, будь стрелой, не знающей преград, а моё сердце навсегда останется твоей мишенью.

Вдохновенное признание «поэта» Цзи подходило к концу; сам он буквально тонул в пучине скорби. Он позволил боли захлестнуть его, превратив её в капли дождя, из которых соткался бескрайний океан, поглотивший его и Гу Цяня.

На нём всё ещё висели те разноцветные сумки и пакеты. Праздничная ёлка, рыдающая и объясняющаяся в любви.

А рядом с ними ворота дома уже давно были распахнуты.

Чэнь Буцы и Чэнь Сы стояли на пороге со смартфонами в руках. Разделение труда было чётким: старший снимал видео, младший делал фото.

Мастер Чэнь с небрежно закатанными штанинами приседал и изгибался, стараясь запечатлеть эту душещипательную сцену со всех возможных ракурсов. Снимая, старик поинтересовался:

— Вам вообще-то в ЗАГС надо, дорогой ошиблись?

Чэнь Сы тоже стремился к совершенству: он лихорадочно настраивал фокус, менял фильтры и кружил вокруг пары, беспрестанно щелкая затвором.

Щёлк!

Щёлк-щёлк!

В свете вспышек Гу Цянь задрожал всем телом и с видом смертника закрыл глаза.

— ...Я сейчас тебя придушу и сам рядом лягу.

<http://bllate.org/book/15848/1437525>